

{numeration /}

У барина был старик-слуга, такой верный, что всем домом один управлял; а сын его Климка не в батьку пошел, с малолетства воровать научился. А ему ли не было холи и воли? Отец водил его, словно ягодку, в красной рубашке, в новых сапожках. Так нет, нечестивого дарами не ударить. «Пойду, - говорит, - батюшка, уведу вола». - «Не ходи, каналья! Тебе там голову сорвут». Не послушал Климка отца, пошел воровать. Гонят хохлы гурт. Климка выглядел-высмотрел, забежал вперед, не пожалел нового сапога, снял с ноги и бросил на дороге; сам за куст спрятался. Хохлы увидели сапог: «Эх, жаль, что один! Кабы, - говорят, - пара таких сапогов, надел бы их и стал паном». Поговорили, сапога не подняли и погнали скотину дальше. Климка рад услужить, забежал вперед, снял другой сапог и кинул на распутье. Хохлы увидели, обрадовались и пустились все за прежним сапогом. А Климка не плошает, дело в его руках огнем горит: отвязал пару волов - и поминай как звали!

«Худо, худо делаешь, - говорит отец, - скажу барину». Сказал барину под веселый час. Климку позвали. «Ты, Климка, говорят, вор?» - «Вор, сударь!» - «Ха-ха-ха! Украдь же у меня стоялого жеребца». - «Украду, только чур не отнимать». - «Не отниму!» Барину потеха, что Климка-мальчишка вор! Над жеребцом поставили большой караул: два человека за узду держат, два - за хвост, четверо - за ноги, один верхом сидит, да двое у дверей торчат; всех сторожей было одиннадцать. «Смотрите, ребята, не спать, не зевать! - говорил барин. - Придет Климка воровать - ловите; уж мы его прочим, зададим ему баню!»

Пришла ночь, пришел и Климка; взлез на крышу, проломал дыру, спустил в конюшню бочонок вина на оброточке, бочонком помахивает, сторожей подразнивает. «Братцы, - говорят караульщики, - что-то хорошо пахнет! Кажись, бог клад посылает; дураки же мы будем, коли не сумеем взять его». Один за другим стали к бочонку прикладываться, зелена вина натягиваться; натянулись так, что и руки опустили и носы повесили. А Климке того и надо; он тут как есть! Зачал распорядиться по-своему: верхового снял - на колоду посадил, которые за ноги держали - тем в руки по палке всунул, которые за хвост - тем трепаной пеньки дал, а которые за узду - тем по веревочке, опростал повод и вывел коня, сел на него молодцом и очутился под барским крыльцом. «Ах, ах! Где мои наглядчики, где караульщики?» Пошел барин на конюшню пытаться, а они словно дурни спят, еще не очнулись спьяна. «Ну, Климка, твое счастье, твой конь! Украдь же ты у меня погребец». - «Украду, только не отнимай». - «Не отниму!»

Климка взял лопату и заступ, пошел на кладбище, вырыл мертвеца и сготовился на дело; а барин собрал-снарядил караул с вилами, стрелами, дубинами: глянуть, так страшно! Посадились все караульщики в круговину, погребец поставили в середину; сидят, чубом

не тряхонут, глазом не моргонут, хозяйское добро берегут. Пришла полночь, в окно кто-то стук, стук! Поднялись дубинки, натянулись стрелы, уставились вилы. Показалась голова, лезет человек, а то Климка-вор сует в окно мертвеца; сейчас напали на того мертвеца караульщики, изрубили-искрошили в пирожное тесто. Пошли доложить барину, что Климку убили, на куски искромсали, да погребец грудью отстояли. Барин за то ни похвалил, ни пожурил, а по Климке, видно, не много тужил. Тем временем Климка-вор унес погребец и завалился спать.

Вот на другое утро понадобился барину погребец, приказал подать; слуги побежали, хватить - тут был, да нету! «Что за притча!» - думает барин; смотрит - а Климка в дверь. «Ты унес погребец?» - «Я». - «Как же ты украл его?» - «Как бы ни украл, да украл, про то я знаю». - «Ну, удалец! Этак ты, пожалуй, у меня барыню украдешь?» - «Украду, только без выкупа не отнимай». - «Дело! А коли не украдешь, знай наперед: велю тебя повесить». Согласились. Оградил барин барыню нянюшками, мамушками, красными девушками; сам над нею день и ночь сидит, в ее очи глядит, каждый шаг назирает, каждый след охраняет. Украсть трудновато!

Случилась барину нужда лесным путем проезжать. Климка забежал вперед, развешал по деревьям колокольчики; сам взял взлез на ближнюю осину, надел на шею петлю и повис вверх ногами. Едет барин с барыней, увидал, что Климка на осине качается, и говорит: «Ах, боже мой! Да ведь это Климка-вор повесился! Видно, моего гнева испугался, что до барыни не добрался. Жаль Климку!» А колокольчики в лесу динь, динь! «Малый! Это что за звон? Поди, погляди!» Сперва пошел один малый, там другой, третий, и разбрелись все в разные стороны - никак толку не доберутся.

Выскочил-сам барин и пустился в лес; а Климка того и ждал, спрыгнул с дерева, подбежал к коляске и вмиг очутился на козлах; приударил коней по бедрам и покатил себе... Барин пришел назад - нет ни барыни, ни Климки на дереве, только пыль по дорожке вьется! Догадался и воротился пешком домой. Велел позвать Климку: «Ты украл барыню?» - «Я» - «Отдай назад!» - «Нет, барин, шалишь! Не на то воруют, чтоб назад отдавать. Выкупи - твоя будет». - «Что возьмешь?» - «Коробочку серебра». Барин согласился. Климка вырыл яму, поставил на нее коробку, да в коробке-то дно продырявил. Барин сыпал-сыпал, яма не насыпается, Климка барыней не меняется. Надоело барину сыпать, опостылел ему. Климка, велел бросить его в море.

Зашили раба божия в куль, положили на бережок, пошли искать камень на шею; а

Климка-вор в куле катается, громким голосом разливается: «Сударе бояре! Явите божию правду; на воеводство меня посылают, судить-рядить заставляют, а я воеводою быть не гожусь!» Проходил мимо какой-то боярин, вслушался в эти речи, подошел и спрашивает: «Что ты говоришь, братец?» - «На воеводство меня посылают, судить-рядить заставляют, а я воеводою быть не гожусь!» - «Пусти меня на свое место; лезь вон!» Забрался боярин в куль, уж считал себя за воеводу - да попал в воду; а Климка вышел на простор, загулял вольным казаком, кутил-мутил, пока буйну голову сложил.